

ИМПЕРСКИЙ
СЫСК
От Евгения Сухова

Смерть
никогда не стареет

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Сухов, Евгений.

С91 Смерть никогда не стареет / Евгений Су-
хов. — Москва : Издательство «Э», 2016. —
320 с. — (Имперский сыск от Евгения Сухова).

ISBN 978-5-699-88584-8

Зверски убита жена профессора Чекулаева — Анна. У ее соседа Павлова сыщики нашли орудие убийства — молоток со следами крови жертвы. Дело закрыто, Павлов получил срок. Но с этим никак не может смириться друг осужденного — редактор газеты Геннадий Нехватов. У него есть неопровержимые доказательства невиновности Павлова, которые он собирается обнаружить с помощью известного журналиста Аристарха Русакова. Встреча назначена на автобусной остановке. Договорившись с Нехватовым о дальнейших действиях, Русаков собирается уходить, как вдруг замечает подозрительную старушку с точно таким же, как у Нехватова, «дипломатом». Хитрый взгляд старушки показался Русакову очень знакомым...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88584-8

© Сухов Е., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО СЛУЧАЙ, или ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА С ХОРОШИМ ЧЕЛОВЕКОМ

Что бы ни говорили о Его Величестве Случае, который якобы решает все, однако всякая случайность в нашей жизни закономерна. То есть подчиняется общим законам, которые заложены в матрице возможностей. И если с вами что-либо происходит неожиданное, то возможность случившегося была predetermined загодя и находилась в одной из ячеек той самой матрицы. Поэтому я был уверен, что моя встреча с Нехватовым и то, что произошло дальше, ни в коей мере не являлось намеренностью. Все это было подстроено и выверено едва ли не посекундно, теми составляющими или невидимыми силами, что пишут сценарий жизни до нашего рождения. И контролируют их точное исполнение.

С Геннадием Павловичем Нехватовым я был знаком давно — года два до моего поступления на работу в телекомпанию «Авокадо», тогда я служил корреспондентом в газете «Московский репортер». А Нехватов был ее главным редактором.

Геннадий Павлович был мужик что надо. Стоящий, как о таких говорят. Весовой. Перед сильными мира сего не прогибался, шапку перед ними не ломал, блага и привилегии не выпрашивал. Жил как все.

И газета была весьма приличной. Имела тираж тридцать тысяч экземпляров и освещала жизнь Москвы и москвичей во всем их многообразии: начиная от бомжей и заканчивая президентом. Собственно, на своем многообразии она и погорела, поскольку выдала скандальную публикацию о возможном разводе с супругой одного из главных политических фигурантов страны. После чего «Московский репортер» тотчас прикрыли. Так, как это обычно и делается с неугодными власти изданиями: нет газеты — нет проблемы! Ей попросту перекрыли кислород в плане финансирования. И еще рекламодателям «настоятельно рекомендовали» не давать в «Московский репортер» рекламу ни под каким соусом. Подавляющее большин-

ство рекламодателей послушались, не пожелав ссориться с властями, что снизило для «Московского репортера» приток финансирования извне почти напрочь. Но какое-то время издание держалось на плаву: первые полгода была сокращена половина сотрудников, во втором полугодии крепко урезали зарплату, и вскоре газета из ежедневной превратилась в еженедельную. Так было, пока киоски не перестали ее брать, ссылаясь на то, что «Московский репортер», дескать, не покупают. Что было очевидной неправдой. Просто данная акция была следующим шагом по уничтожению газеты, который ее окончательно и добил, поскольку тиражи стали зависеть, а газета стала приносить убытки. Примечательно, что указанный фигурант, из-за публикации о котором и произошел крах «Московского репортера», позже действительно развелся с женой. Так что «Московский репортер» пострадал за правду, что не являлось успокаивающим моментом...

В пятницу двадцать второго мая две тысячи пятнадцатого года я шел себе спокойно на службу в телекомпанию «Авокадо», где я тружусь уже седьмой год и нахожусь на хорошем (к чему излишняя скромность) счету, как вдруг меня окликнули по имени:

— Аристарх!

Я обернулся и увидел на автобусной остановке, мимо которой я уже прошел, нашего бывшего главного редактора Геннадия Павловича Нехватова. Он сидел на лавочке под остановочным навесом и махал мне рукой. Возле его ног стоял коричневый «дипломат» из кожзаменителя, популярный некогда у студентов вузов и мелкой чиновной сошки в конце семидесятых и в начале восьмидесятых годов прошлого столетия.

Я остановился, повернулся и пошел к остановке...

* * *

Шесть с половиной лет! Такой срок отделял нас от последней встречи, когда главный редактор «Московского репортера» Геннадий Павлович Нехватов собрал в своем кабинете нас, четверых патриотов газеты, что остались с ним до конца: двух корреспондентов — Вову Чикина и меня, корректора Полину Шлыкову и заместителя главного редактора и верстальщика в одном лице Витюню Жмуркина (я среди всех был самый молодой). И объявил нам безрадостную весть:

— Сегодня состоялся последний выпуск нашей газеты. Больше такой газеты — «Московский репортер» — не существует.

В кабинете Нехватова был накрыт прощальный, очень хлебосольный стол. С дорогущим вискарем, настоящим французским коньяком, кристалловской водочкой, черной и красной икрой, паштетами, жульенами, изумительной и явно недешевой рыбой холодного и горячего копчения, парной телятинкой, двумя жареными поросятами под хреном и прочими изысками и яствами. Завершал сервировку стола огромный торт, на котором разноцветным кремом не без юмора было выведено:

**«МОСКОВСКОМУ РЕПОРТЕРУ —
ПОЛНЫЙ КИРДЫК»**

Таков был прощальный ужин, который дал нам напоследок Нехватов. Он как-то быстро напился, был очень шумным, пытался шутить, что у него всегда скверно получалось, а в этот раз особенно плохо. В конце застолья, когда уже ни есть ни пить и уж тем более шутить не хотелось, после «стопаря на посошок», он расцеловал нас всех и сказал, что для него было большой честью работать с нами, затем пустил пьяную слезу и запел с надрывом:

*Черный во-ора-ан, черный во-ора-ан,
что ты вье-еся надо мно-о-о-ой?
Ты дабы-ычи-и а не дажде-еся,
черный во-оран, а я не-е тво-ой...*

Меня долго преследовало ощущение тоски и безысходности, когда мы покинули редакторский кабинет, оставив в нем Геннадия Павловича одного. Ведь после окончания факультета журналистики газета «Московский репортер» была третьим изданием, из которого меня выперли. А если быть точнее, из которого мне пришлось уйти отнюдь не по собственной воле. На промозгом ветру теперь уже бывший корректор Полина Шлыкова с высшим филологическим образованием беззвучно заплакала, и слезы текли по ее щекам нескончаемыми ручейками. Тогда ей было пятьдесят два года. А вы наверняка знаете, каково это — устраиваться на работу в таком возрасте, когда большинство организаций при приеме на работу имеют возрастные дискриминационные ограничения для женщин в сорок — сорок пять лет.

Бывший теперь корреспондент Вова Чикин ринулся в кусты блевать, не столько от количества выпитого элитного коньяка и съеденного балыка, сколько от шока, вызванного столь скверной и печальной ситуацией, а бывший

заместитель главного редактора и по совместительству бывший верстальщик Витюня Жмуркин просто шел и тупо смотрел прямо перед собой, вряд ли что-либо замечая.

После этой встречи я никого не видел. Хотя нет, была как-то встреча с Витюней Жмуркиным. Мы столкнулись случайно год назад на Белорусском вокзале, где он кого-то провожал. А я занимался тогда вагонами с евро, стоящими на запасных путях. И все. Больше никого из этой четверки я не видел. И тут — на тебе: Нехватов собственной персоной... На мой взгляд, он мало изменился. Ни седых прядей в густых волосах, ни землистого цвета лица. Ровным счетом ничего такого, что могло бы указывать на «сбитого летчика». Правда, костюм на нем был слегка помят и не по последней моде, и вряд ли он надел бы таковой, будучи главным редактором, но времена меняются, а вместе с ними видоизменяются и привычки.

* * *

— Геннадий Павлович! Здравствуйте. Вот так встреча! — Я был натурально рад, и это каким-то образом положительно подействовало на Нехватова, вид которого был до этого хмур и несколько озабочен. Лицо его просветлело, и

едва заметная улыбка появилась на приятном полноватом лице. Учитывая его предыдущее угнетенное состояние, мое появление доставило бывшему главному редактору «Московского репортера», похоже, некоторую радость. — Вы чего тут?

— Я тоже рад тебя видеть, — произнес Геннадий Павлович и, привстав, пожал мне руку. — Да вот, автобус жду.

— А куда вы подевали свой «Фольксваген»? — спросил я, усаживаясь рядом. — В ремонте?

— Ага, — как-то быстро ответил Нехватов, глядя мимо меня. И я понял, что он говорит неправду. Только вот зачем?

— Ну как дела? — поинтересовался я, стараясь не замечать его померкшего взгляда.

— Дела? — Геннадий Павлович внимательно посмотрел на меня и задумался. Я прямо-таки нутром чувствовал, что он хочет мне поведать нечто важное, но не решается. Наконец он раздумчиво произнес: — Ты ведь все на телеканале «Авокадо»?

— Да, — ответил я.

— Одно время я следил за твоими успехами. — Нехватов уважительно посмотрел на меня. — Когда ты так ловко вскрыл махинации

чиновников из департамента градостроительной политики Москвы по программе «Народный гараж» и исключительно грамотно провел журналистское расследование убийства актера Игоря Санина. А потом я погряз в своих проблемах и потерял тебя из виду... — Геннадий Павлович виновато посмотрел на меня: — Тебя, Старый, мне просто Бог послал. Была ведь у меня мысль к тебе за помощью обратиться, была! Да закрутился вот. И вдруг — ты! Тут невольно поверишь, что случайностей в жизни не бывает...

— Ну, случайности тоже закономерны, в этом я давно убежден, — сказал я. — А за какой помощью вы хотели ко мне обратиться, Геннадий Павлович? — Я посмотрел на своего бывшего шефа и добавил: — Все, что в моих силах, я готов сделать...

— Знаю. — Нехватов как-то опасливо оглянулся по сторонам. — Дело только вот очень непростое. Вот тут, — он слегка хлопнул по своему доисторическому «дипломату», — собраны кое-какие бумаги по делу, которым я занимаюсь уже несколько лет и которое занимает все мое свободное время. Мне очень бы хотелось, чтобы ты ознакомился с этими бумагами. И высказал свое мнение...

— А что это за дело? — заинтересованно полюбопытствовал я.

— Долго рассказывать, — ответил Геннадий Павлович после некоторой паузы. — Ты как, сегодня вечером свободен?

— Для вас я буду свободен, — успокоил я.

— Вот и хорошо, — произнес бывший главный редактор «Московского репортера» с некоторым облегчением. — Тогда давай часиков в семь у меня. Я все тебе расскажу и кое-что еще и покажу. Уверен, что это дело тебя заинтересует.

— Хорошо, договорились. — Я немного замялся. — А адрес свой вы бы напомнить мне не могли?

— Да, извини, — спохватился Геннадий Павлович. И назвал свой адрес. После чего добавил: — Ладно, ступай. А то на работу опоздаешь.

— Не опоздаю, — улыбнулся я.

— Все равно иди. — Нехватов посмотрел на часы: — Скоро мой автобус... До вечера.

— До вечера, — ответил я и поднялся с лавочки. Не успел я сделать и двух шагов, как освободившееся после меня место возле Нехватова заняла какая-то шустрая старушенция в выцветшей косынке, синей кофте и серень-

ком платье в горошек. У нее в руках тоже был «дипломат», который она положила себе на колени. Надо же, какой нынче спрос на дешевые «дипломаты»!

Пройдя шагов пять я оглянулся. Геннадий Павлович дружески махнул мне и повернулся к старушке, которая что-то у него спросила. Он начал ей что-то отвечать, и старушенция стала кивать ему в ответ, как это обычно и делают старики, слушая собеседника и стараясь то ли запомнить, то ли понять, что он говорит. А потом старушка повернула ко мне лицо и бросила на меня взгляд с затаенной смешинкой, который показался мне знакомым. Я тотчас попытался вспомнить, где я мог видеть этот взгляд. Ничего путного в голову не приходило. А может, мне показалось, что я его где-то видел?

Подошел рейсовый автобус. Очевидно, не устраивающий Нехватова, поскольку он остался сидеть на лавочке. А вот старушенция бойко так поднялась с лавочки и вошла в автобус.

Я отвернулся, прошел несколько шагов, и тут что-то сильно толкнуло меня в спину, так, что я едва не упал. И одновременно услышал позади себя гром (так мне поначалу показалось). Через какую-то долю секунды я сообразил, что это был взрыв. Я оглянулся и увидел,